

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА

Мосейчук Татьяна Викторовна

доцент кафедры общего и славянского языкознания
учреждения образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова»; кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Немецкий филолог Якоб Гримм утверждал: «Существует более живое свидетельство о народах, чем кости, оружие и могилы: это язык». Действительно, язык хранит такие тайны о прошлом народа, о его духовной и материальной культуре, «раскопать» которые археологам не всегда по силам. И тут на помощь могут прийти филологи.

Одним из значительных проявлений антропоцентрической парадигмы в лингвистике явилось рождение лингвокультурологии – науки, исследующей «проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [5, с. 8]. Язык, являясь составной частью культуры, носителем национальной ментальности, в то же время является и отражением этой культуры: «культура включена в язык в том смысле, что вся культура может быть отображена (смоделирована) в тексте» [10, с. 107].

Каким же образом, на каких уровнях происходит отображение культуры нации, этноса, той или иной группы, отдельного индивида в языке? Несмотря на относительную «молодость» лингвокультурологии как науки, к сегодняшнему моменту существует уже немало серьезных исследований в этой области. Для поисков ответов на эти вопросы привлекаются не только сведения из лингвистики и культурологии как базовых дисциплин, но и данные смежных наук: истории, психолингвистики, этнолингвистики, социолингвистики, паралингвистики.

Отображение культуры в языке можно проследить на всех уровнях, начиная с фонетического, орфоэпического и заканчивая синтаксическим. О различиях в звучании и восприятии разных языков писал еще М.В. Ломоносов: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятелем, итальянским с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить при-

стойно. Ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Так, особенности звучания любого чужого языка для иностранца субъективно будут соотноситься с национальным характером и менталитетом его народа. Специалисты в области невербальной коммуникации отмечают взаимосвязь громкости и темпа речи человека и географического расположения его страны. Чем севернее, тем медленнее темп (эта особенность речи северян нашла отражение на другом уровне языка – в национальных анекдотах про «горячих эстонских парней»), и наоборот, жители южных стран отличаются быстротой речи и жестикуляцией, активностью и разнообразием эмоциональных интонаций. Кроме того, показательным может быть и сам звуковой строй языка. Долгое время в лингвистике господствовала точка зрения на звук как минимальный семантически незначимый компонент речевого потока. Однако еще В. Гумбольдт в работе «О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» обращал внимание на возможность звуков выражать определенный смысл: «... звук... своим индивидуальным качеством указывает на качества обозначаемого предмета, так как его индивидуальное качество всегда соответствует свойствам предмета и тем впечатлениям, которые предмет оказывает на восприятие говорящего...» [3, с. 79]. Современные исследователи считают, что «можно говорить о сохранении взаимосвязи и взаимозависимости значений звука и слова» [4, с. 8]. Тем не менее, фонетический уровень языков, семантика звука, связь звукового строя языка и национального характера его носителей пока остается малоизученной областью.

Интересны исследования в области графики. Алфавит предстает как модель мира [8], в нем зашифровано мировоззрение нации, его заповеди [7]: *«Аз Буки Веди (Я Буквы Веду), Глаголь Добро Есть (Изреченное Слово Суть Добра), Добро Есть Жизнь (Добро Суть Жизни)»*.

Наиболее исследованным с точки зрения лингвокультурологии предстает лексико-фразеологический уровень. Большинство описаний языковой картины мира базируется именно на лексическом и фразеологическом материале как наиболее информативном и доступном для изучения. Лексический состав языка показателен в плане отражения жизненных реалий и духовных ценностей нации. Так, исследование, посвященное саамским языкам Норвегии, Швеции и Финляндии, содержит заключение о том, что в них имеется около 180 слов, относящихся к снегу и льду, а также до тысячи слов для обозначения оленей [16]. Переводчики с японского отмечают присутствие в японском языке немало количества слов и выражений, так или иначе связанных со значением «тщетные и бесплодные усилия», что объясняется геофизическими и

климатическими особенностями, влияющими на процессы земледелия и жизненного обустройства: 70% островов занимают скалы, на остальных тридцати японцы веками пытались что-то вырастить, выстроить, борясь с тайфунами, цунами и землетрясениями [13, с. 111]. А.Д. Шмелев показывает отражение фундаментальных черт русского национального характера (эмоциональность, недостаточность логического и рационального подхода к жизни, склонность к морализаторству, нелюбовь к дисциплине и др.) через анализ лексико-семантических группировок ключевых слов русской ментальности (*душа, судьба, тоска, воля, удаля, авось* и др.) [15]. Используя этимологический и семантический анализы лексики, привлекая данные из истории, культурологии, истории искусства, Степанову удалось создать словарь ключевых концептов русской культуры [9]. Еще более информативны в этом плане фразеологические единицы, впитавшие историю, мировоззрение, характер этноса. На материале фразеологии основано одно из наиболее разработанных направлений лингвокультурологии, у истоков которого В.Н. Телия и ее фразеологическая школа [12], первопроходец и автор первых учебных пособий по лингвокультурологии В.А. Маслова [5; 6].

Национальный характер и менталитет народа имплицирован и в грамматике: на словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях. Так, к примеру, для русского языка, как ни для какого другого, характерно разнообразие суффиксов субъективной оценки, которые позволяют передать тончайшие эмоционально-оценочные нюансы (*нога, ножка, ножечка, ноженька, ножища* и др.). В русском языке (и не только в русском) словообразовательные модели имен существительных – наименований по роду деятельности представляют собой переход преимущественно от мужского рода к женскому: *учитель – учительница, врач – врачиха* (прост.), что отражает исторически сложившееся вторичное положение женщины в профессиональной сфере. Даже в современном русском языке некоторые профессии не имеют наименований женского рода (*судья, юрист, посол*). Однако на бытовом уровне замечаем равноправие в словообразовании: *хозяин, хозяйка; супруг, супруга*.

Весьма любопытны наблюдения за категорией времени, хранящей следы древнейших представлений о разных моделях времени в различных языках; загадочной для лингвистов категорией рода, восходящей к восточной философии и делящей даже неодушевленные предметы на мужское и женское начало (Инь/Янь?); категорией одушевленности/неодушевленности, не всегда совпадающей с биологическим понятием живого/неживого и отразившей взгляды предков на окружающий мир (Например, слово *кукла*, относящееся к одушевленному существительному, во многих культурах использовалась не столько как игрушка, сколько как атрибут колдовских и шаманских ритуалов: на нее

перегоняли болезнь с больного, при помощи специально изготовленной куклы наводили порчу на врага и т. д.); другими морфологическими категориями.

Область синтаксиса лучше поддается лингвокультурологическому анализу, хотя и вызывает споры. Известна полемика Вежбицка – Тарланов по поводу трактовки безличных предложений как репрезентантов некоторых черт национального характера [2; 11]. Интересен опыт сопоставления конструкций управления в русском и белорусском языках (*смеяться над кем-то – смеяцца з каго-та, жениться на ком – жаніцца з кім*), позволяющий автору сделать вывод о тенденции к выражению превосходства над объектом в русском языке и о толерантности мышления белорусов [14].

Справедливости ради следует отметить, что в лингвокультурологии пока больше вопросов, чем ответов. Тем не менее, эта наука не только вошла в реестр наиболее актуальных направлений современной лингвистики, но и стала учебной дисциплиной, нашедшей отражение в пока немногочисленных учебных пособиях [1; 5; 6; 13].

Литература

1. Абабурка, М. В. Лінгвакультуралогія / М. В. Абабурка. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2016. – 64 с.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.
3. Гумбольдт В. О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков. – М. : Учпедгиз, 1956. – 457 с.
4. Имеев В. О. Семантика звука и ее роль в формировании языковой картины мира этноса (на примере калмыцкого языка) // Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 7–8 октября 2010 г. – Элиста : Изд-во Калмыцкого ГУ, 2010. – 186 с.
5. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию : учебное пособие / В. А. Маслова. – М. : Издательство «Наследие», 1997. – 208 с.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
7. Мировишченко, О. Ф. Тайны русского алфавита. Аз буки ведаю / О. Ф. Мировишченко. – М., 2004. – 144 с.
8. Степанов, Ю. С. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин. – М. : Наука, 1993. – 158 с.
9. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры : опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры. – 1997. – 824 с.
10. Тарасов, Е. Ф. Язык и культура: методологические проблемы / Язык – Культура – Этнос. М. : Наука, 1994. – С. 105–112.
11. Тарланов, З. К. Русское безличное предложение в контексте эмпирического мировосприятия // Филологические науки. – 1998. – № 5–6. – С. 65–75.

12. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 288 с.
13. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии : учебное пособие. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 184 с.
14. Чумак, Л. Н. Язык как отражение национального менталитета // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международная конференция исследователей русского языка. – М., 2001. С. 79–80.
15. Шмелев, А. Д. «Русская ментальность» в зеркале лексических данных // Этническое и языковое самосознание. – М., 1995. – С. 168–169.
16. Ole Henrik Magga, *Diversity in Saami terminology for reindeer, snow, and ice*, International Social Science Journal, Volume 58, Issue 187, pages 25–34, March 2006.